

Образ жизни и чувство симметрии: об одной особенности психического развития детей среднеазиатских цыган-люли

П.С. Эргашев*,
МИАУзб, Ташкент, Узбекистан,
pulat-ergashev@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос о значении образа жизни в психическом развитии. На примере детей среднеазиатских цыган-люли анализируется проблема влияния бродячего образа жизни, с характерным для него неупорядоченным укладом жизнедеятельности, на формирование в детском возрасте отношения к симметрии и ее нарушению. Результаты сравнительного изучения детей люли младшего школьного возраста ($n=27$) и их ровесников, учащихся в общеобразовательной школе ($n=30$), посредством «Эстетической шкалы Бэррона—Уэлша» показывают высокую вероятность влияния образа жизни на развитие чувства симметрии. Согласно представленным данным, неупорядоченный образ жизни детей люли не формирует одностороннего положительного или отрицательного отношения к симметрии и ассиметрии. Однако в исследовании было выявлено, что среди детей люли намного чаще, чем среди их ровесников из числа учащихся начальной школы, наблюдается одновременно идентичное по модальности отношение к симметрии и нарушению симметричности в окружающем мире. На основе таких результатов в статье делается вывод о негативном влиянии бродячего образа жизни на формирование у ребенка дифференцированного отношения в проявлении чувства симметрии.

Ключевые слова: образ жизни, цыгане-люли, бродяжничество, психическое развитие, чувство симметрии, этнокультурные особенности.

Lifestyle and Sense of Symmetry: Exploring One Feature of Mental Development in the Lyuli Children

P.S. Ergashev,
International Islamic Academy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan,
pulat-ergashev@rambler.ru

The paper discusses the issue of the relationship between lifestyle and mental development. With the Lyuli (Central Asian Romani people) children as an example, I explore the impacts of the unsettled way of life on the development of the attitude towards symmetry and asymmetry in childhood. A comparative analysis of the primary school-aged Lyuli children ($n=27$) and their peers ($n=30$) studying at comprehensive schools that was conducted using the Barron-Welsh Art Scale suggests it is highly probable that the lifestyle affects the development of the individual's sense of symmetry. The outcomes show that the unsettled way of life of the Lyuli does not promote unilaterally positive or negative attitude towards symmetry

Для цитаты:

Эргашев П.С. Образ жизни и чувство симметрии: об одной особенности психического развития детей среднеазиатских цыган-люли // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 65–71. doi:10.17759/chp.2019150207

For citation:

Ergashev P.S. Lifestyle and Sense of Symmetry: Exploring One Feature of Mental Development in the Lyuli Children. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 65–71. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150207

* Эргашев Пулат Собирович, доктор психологических наук, доцент, Международная исламская академия Узбекистана (МИАУзб), Ташкент, Узбекистан. E-mail: pulat-ergashev@rambler.ru
Ergashev Pulat Sobirovich, DSc in Psychology, Associate Professor, International Islamic Academy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan. E-mail: pulat-ergashev@rambler.ru

and asymmetry. However, the study revealed that it is far more common for the Lyuli children as compared to their peers from schools to develop attitudes to symmetry or its violation in the environment that are identical in modality. Basing on these facts, I argue that the unsettled way of living has a negative impact upon the child's ability to develop a differentiated attitude in displaying the sense of symmetry.

Keywords: lifestyle, Lyuli people, nomadism, mental development, sense of symmetry, ethnocultural characteristics.

Образ жизни как объект психологического исследования

Индивидуальность каждого человека — это результат воздействия многочисленных факторов в разнообразных комбинациях. Изучение этих факторов не только дополняет картину научного знания о закономерностях психического развития, но и имеет большое практическое значение, так как повышает возможности эффективного управления этим процессом. Одним из важнейших факторов, определяющих особенности психического развития несомненно является образ жизни. В сложной системе детерминант развития психической сферы образ жизни занимает, на наш взгляд, своеобразное опосредствующее положение. Поскольку и объективные факторы (например, географическая среда проживания и исторический опыт этнической группы), и субъективные факторы (например, ценности и верования, характерные для членов этнической группы) формируют определенный уклад, порядок жизнедеятельности, длительное соблюдение которого в итоге влияет на формирование соответствующих психологических особенностей.

В современной психологической науке накоплен немалый объем знаний об особенностях влияния образа жизни на психическое развитие. Так, результатами специальных исследований доказывается, что, например, такая особенность образа жизни геологов, как наличие переживаний адаптации к полевому сезону и реадaptации после него, формирует у них привычку к чередованию видов работы и окружения [15]. В других исследованиях доказано, что городской образ жизни в большей степени способствует развитию ориентации на полнезависимый когнитивный стиль, отражению действительности с помощью вербальных форм и символов, формированию понятий на основе ассоциативных признаков [9]. В целом, образ жизни рассматривается исследователями как конструкт системных исследований в психологии. При этом образ жизни определяется как сложившаяся система взаимоотношений личности с окружающим миром и рассматривается в качестве определенного способа организации жизнедеятельности в соответствии с ее индивидуально-психологическими, субъективно-личностными свойствами и внешне заданными социокультурными условиями [10, с. 127].

Психологические последствия определенного образа жизни наиболее отчетливо проявляются на примере девиантных форм организации жизнедеятельности. В частности, нездоровый образ жизни семьи часто выступает фактором риска в развитии деликвентности поведения у детей [2], разрушительное влияние алко-

голизации на образ жизни отражается в способности адекватно оценивать информацию личного характера и наиболее острые социальные проблемы [8], по мере привыкания к состоянию бездомности выявляется все большее отдаление человека от людей [13].

В условиях современного цивилизованного общества особой негативной формой жизнедеятельности является бродячий образ жизни. Негативное влияние такого образа жизни на психическое развитие детей очевидно. Как отмечают О.Б. Шефтель и У.А. Шаховская в своих полевых заметках о жизни бомжей, дети этой категории очень недоверчивы и озлоблены, горды, независимы и безразличны ко всему живому, для них важнее всего сила и хитрость [14, с. 98–99]. Между тем необходимо отметить, что в случае с детским бродяжничеством, обусловленным бомжовым образом жизни, предпосылки находятся в сфере социальной неустроенности их жизнедеятельности. В то же время существует отдельная группа детей, ведущих похожий образ жизни в силу исторических и этнокультурных особенностей жизнедеятельности своей этнической общности. Таковыми являются дети среднеазиатских цыган-люли.

Некоторые общие заметки о цыганах-люли

Согласно видным современным исследователям цыганской истории и культуры Н.Г. Деметр и Н.В. Бессонову, люли, живущие в настоящее время в Узбекистане и Таджикистане, являются потомками цыган, осевших сразу после выхода из Индии. Исследователи утверждают, что они не дошли до Византии и попали в сферу влияния исламской культуры, которой так и не подчинились до конца [5]. Этнограф И.М. Оранский отмечает, что термин «среднеазиатские цыгане» является условным и в основном используется для недифференцированного обозначения таких этнических групп, как люли, парья, кавол, чистони, согутарош, живущих преимущественно в Узбекистане и Таджикистане. Цыганами эти этнические группы стали называть русские, так как до XIX — середины XX в. все они вели кочевой или полукочевой образ жизни. Однако представители этих групп только отчасти восприняли такое наименование и собственно цыган (рома) не считают родственным народом, не понимают их языка, не вступают с ними в брак [11]. Не углубляясь в нерешенный до сих пор специалистами историко-этнографический спор о принципиальных отличиях цыган и цыганоподобных групп, сконцентрируем внимание на интересующем нас вопросе о специфичном бродячем образе жизни люли.

Специалистами выделено главное отличие среднеазиатских люли от европейских цыган — отсутствие наследственного ремесла артистов [1]. Несмотря на некоторую оседлость жизни современных люли (правительства среднеазиатских стран делают некоторые попытки «прикрепления» люли к определенным территориям и создания условий для их лучшей ассимиляции), основным занятием женщин и детей остается профессиональное нищенство. Как утверждают специалисты, попрошайничество, которое выделяло люли, было профессией и вовсе не говорило об уровне материального достатка [1]. Во многих случаях нашего общения с люли они часто говорили, что попрошайничество для них является родовым ремеслом. В силу такого специфического вида деятельности дети люли постоянно кочуют от одного места большого скопления людей к другому. Как правило, объектами их внимания становятся крупные продуктовые и непродуктовые рынки, но также часто их можно встретить в городских парках отдыха, иногда возле больших учебных заведений, остановок городского транспорта, по религиозным праздникам около мечетей. Относительно большими группами они встречаются в основном на площадях рынков. В таких местах обычно группа женщин люли с многочисленными детьми разных возрастов (начиная от грудных детей до подростков) располагается на окраине рынка, дети часто сами разбегаются в разных направлениях по базару и начинают заниматься попрошайничеством. Милостыню дают как покупатели, так и продавцы, нередко если не деньгами, то чем-то съедобным (хлеб, фрукты и т. п.). К вечеру они вместе с матерями возвращаются на свое место проживания. В беседе с некоторыми матерями нам стало известно, что они охотно готовы отправить своих детей учиться в школу (такие примеры имеют место), однако материальное положение семьи не позволяет пренебречь доходом детей от попрошайничества.

Таким образом, мы имеем дело с относительно чистым проявлением бродяжного и неупорядоченного, в нашем понимании, образа жизни, который обусловлен историко-культурологическими факторами, в силу чего воспринимается его обладателями как нечто естественное и само собой разумеющееся. Поскольку в этом случае речь идет о традиционном виде деятельности, на наш взгляд, выделить образ жизни как фактор психического развития будет легче, чем в случае бездомности и бомжества, поскольку им могла предшествовать довольно нормативная предыстория. Последнее послужило опорной точкой нашего плана по изучению влияния образа жизни на отношение к симметрии как проявлению порядка на примере детей люли.

Методика, технология и результаты изучения чувства симметрии у детей люли

В длинном списке современных научных дисциплин трудно найти науку, которая обошла бы вниманием симметрию как предмет исследования. В физике изучаются свойства симметрии элементарных частиц, в математических исследованиях изучается

симметрия дифференциальных уравнений, в химии исследуется, как симметрия проявляется в свойствах молекул и кристаллических веществ, в биологии изучается проявление симметрии в строении и функционировании органов живых существ, в технических науках изучается проблема симметрии в системах управления, в физиологии и медицинских науках большую область исследований занимают работы по изучению функциональной асимметрии головного мозга и т. д. В малочисленных психологических исследованиях проблема симметрии рассматривается в контексте качеств личности, проявляющихся в стремлении достижения упорядоченности, завершенности, целостности в отражаемой действительности и переживании удовлетворения этого желания. С недостаточной разработанностью этой проблематики связана скудность методического арсенала, позволяющего выявить характер отношения человека к симметрии.

Одним из основных методических средств изучения отношения к симметрии и асимметрии является шкала Бэррона—Уэлша, опубликованная в 1952 г. в журнале «Psychology» американскими исследователями из Миннесотского университета Фрэнком Бэрроном (Frank Barron) и Джорджем Уэлшем (George Welsh) [16]. Насколько нам известно, в русскоязычных источниках данная методика до сих пор не была опубликована, можно встретить лишь некоторые ее части и общие описания [2; 6]. Полную версию данной шкалы нам удалось получить по рекомендации научного исследователя Индианского университета (США) Гэйля Дау (Gayle Dow) от издательского дома Mind Garden (<http://www.mindgarden.com/products/bwass.htm>). Стимульный материал этой методики состоит из 86 симметричных и асимметричных изображений, а также группы рисунков с неоднозначным содержанием с точки зрения его отношения к симметрии и асимметрии. При обследовании с помощью этой методики испытуемым предлагается указать, какие изображения ему нравятся («like») и не нравятся («dislike») [20]. Обработка результатов осуществляется согласно ключу, где за каждое совпадение начисляется по одному баллу. Ключ методики указывает, в какую категорию относится то или иное изображение. Всего методика включает в себя 3 группы изображений:

1) изображения, положительная оценка которых рассматривается как диагностический показатель чувства симметрии (30 симметричных изображений);

2) изображения, негативная оценка которых рассматривается как диагностический показатель чувства симметрии (30 асимметричных изображений);

3) изображения, о симметричности или асимметричности которых сложно судить однозначно (26 своеобразных буферных изображений).

Для выявления общего отношения к симметрии на этапе первичной обработки вычисляется сумма положительных оценок изображений первой категории и негативных — в случае второй категории. В конечном итоге общие 60 баллов распределяются в разном соотношении между оценками четырех типов, которые образуют своеобразные шкалы: 1) положительная оценка симметрии; 2) положительная оценка асимметрии;

3) отрицательная оценка симметрии; 4) отрицательная оценка асимметрии. Рассчитанные таким образом общие показатели рассматриваются как сырые баллы, по которым с помощью соответствующих статистических методов можно провести внутригрупповой или межгрупповой сравнительный анализ. Следует заметить, что первоначально данная методика предлагалась как средство изучения творческих способностей [22; 23], однако впоследствии она начала широко применяться для изучения других аспектов психологии личности [18; 19]. В нашем исследовании при количественном анализе результатов, первоначально показатели испытуемых по номинальной шкале, которая по предложенному варианту ответов «нравится-нравится» служила для идентификации респондентов двух групп, включались в так называемую таблицу сопряженности для осуществления математической операции счета. При этом в таблицу сопряженности включались данные о количестве выбора по типу «симметрия+» — «асимметрия-» и «симметрия-» — «асимметрия+».

Технология эмпирического исследования предполагала следующие действия: 1) проведение психологического обследования в начальном классе средней школы; 2) проведение психологического обследования среди детей люли младшего школьного возраста; 3) проведение сравнительного анализа результатов двух выборок испытуемых. Испытуемыми первой группы были 30 учащихся младшего школьного возраста (8–9 лет) одной из ташкентских школ, диагностическое обследование с которыми проводилось в групповой форме в учебном классе. Эмпирическая работа с детьми люли в количестве 27 детей, возраст которых со слов матерей и по антропологическим показателям был равен младшему школьному возрасту (от 7–8 до 9–10 лет), проводилась на месте привала их группы на самом большом продуктовом рынке Ташкента «Куйлюк» в присутствии матерей по согласию с сотрудниками безопасности рынка. Поскольку дети люли не умели писать, мы проводили обследование в индивидуальном порядке и ставили за них в бланк ответов соответствующие отметки с их устного указания. Несмотря на то, что родным языком детей люли является один из диалектов персидского языка, они очень

хорошо владеют узбекской разговорной речью, что позволило нам свободно общаться. В целом, к процедуре обследования они относились с интересом, без заметных признаков настороженности или враждебности, чему также способствовало присутствие рядом матерей. Матерям люли цель нашей работы мы объясняли попыткой собрать данные, доказывающие интеллектуальные возможности их детей к получению общего образования (такая мотивация вызвала одобрение у многих матерей, поскольку они высказывались о желании дать образование своим детям при создании для них необходимых условий). Кроме того, мы получали согласие матерей через небольшое материальное поощрение.

Математико-статистическая обработка первичных данных с помощью двухвыборочного t-теста Стьюдента на начальном этапе не выявила значимых статистических различий средних величин (рисунок).

Действительно, сравнение показателей положительного (+) и отрицательного (-) отношения к симметрии и асимметрии не выявило статистически значимых различий между детьми люли и школьниками. Хотя справедливости ради стоит отметить, что школьники все же имеют немного более высокие оценки по положительному отношению к симметрии (21,3/18,8), тогда как среди детей люли выше показатели положительного отношения к асимметрии (11,8/10,2). Однако повторимся, что точно так же, как в группе учеников с их упорядоченным образом жизни, не было выявлено однозначно положительного отношения к симметрии и негативного — к асимметрии, так нет и данных, подтверждающих однообразное отношение детей люли к этим явлениям. Другими словами, детей с положительным отношением к симметрии можно найти в обеих группах испытуемых. В количестве их выборов варианта «нравится» в сторону симметрии не было выявлено значимых статистических различий ($t=1,12$, при $t_{кр}=2,01/p\leq 0,05$). Таковых не было обнаружено также по части «не нравится» относительно асимметрии ($t=0,91$, при $t_{кр}=2,01/p\leq 0,05$). Вероятно, это может служить еще одним подтверждением определенной универсальности общечеловеческих основ эмоционального развития.

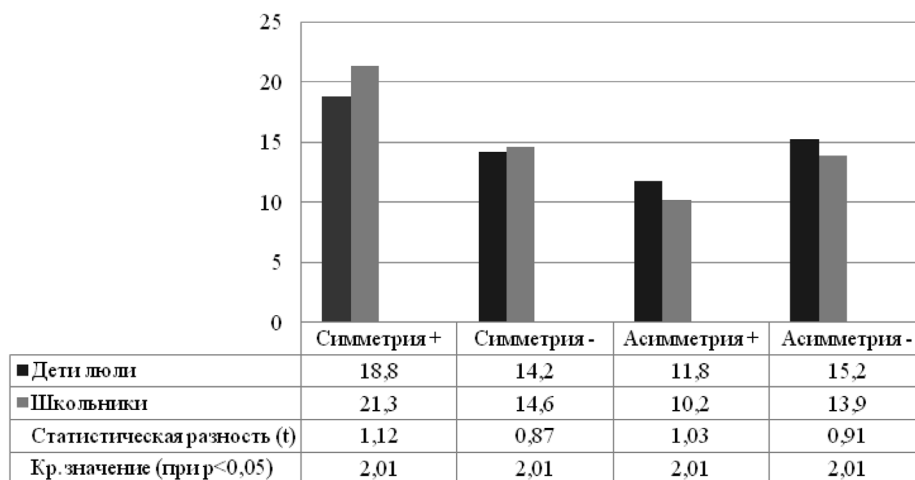

Рис. Сравнительные показатели средних оценок положительного и отрицательного отношения в группе детей люли и школьников

Основное отличие, которое нам удалось обнаружить, было выявлено при внутригрупповом сравнении показателей по вышеописанным шкалам (типам оценок). Так, было выявлено, что среди школьников четко фиксируется дифференциальное отношение к симметрии и асимметрии, т. е. те школьники, которые получают высокую оценку по положительному отношению к симметрии, как правило, параллельно имеют высокие оценки по негативному отношению к асимметрии. И наоборот, те школьники, кто высоко оценивает положительное отношение к асимметрии, обычно имеют высокие показатели по отрицательному отношению к симметрии. Однако, сравнивая ответы детей люли между собой по типам оценок, мы столкнулись с несколько противоречивым явлением — дети, которые выражали положительное отношение к симметричным изображениям, в то же время нередко также положительно оценивали асимметричные рисунки, что отражается в меньшей статистической разности между этими двумя противоположными типами оценок, чего в группе школьников не наблюдалось (таблица).

Итак, статистически не значимая разность между положительными оценками симметрии и отрицательными — асимметрии в группе детей люли ($t=1,64$) и значительная разница по этому параметру в оценках школьников ($t=3,41$) говорит о том, что для детей, ведущих неупорядоченный и бродячий образ жизни в меньшей степени характерно дифференциальное отношение к симметричности и асимметричности. Также внимания заслуживает то, что в данной группе разброс оценок (показатели S-дисперсии) более высокого порядка, чем в группе школьников. Последнее свидетельствует в пользу того, что более упорядоченный, в современном понимании, образ жизни также сказывается в определенной однообразности отношения к симметрии и асимметрии.

На наш взгляд, выявленная специфическая особенность отношения детей люли к симметрии и асимметрии может быть интерпретирована в рамках культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, который отмечал: «Не биологическая разница в человеческом типе, не расовые особенности выдвигаются на первый план, но именно формирующее влияние социальной среды» [4, с. 585]. В размышлениях Л.С. Выготского о значении социальной среды в психическом развитии ребенка мы находим объяснение выявленным тенденциям: «Эта среда всем своим специфическим укладом выдвигает своеобразные задачи

приспособления перед ребенком. Она определяет в основном те средства мышления и поведения, которыми ребенок вооружается в процессе своего развития» [4, с. 585].

Таким образом, отношение детей люли к симметрии — это своеобразное проявление той социальной среды, которая определяет их образ жизни. Такой образ жизни, по критериям современного человеческого общества, можно характеризовать как довольно неупорядоченный, в силу преобладания нерегламентированных способов получения средств, необходимых для жизни. Именно в основных видах деятельности специалисты видят причины их кочевого образа жизни [12, с. 29], в условиях, в которых упорядоченность жизненного уклада, естественно, достигается труднее, нежели при оседлой форме жизнедеятельности. Данные зарубежных исследователей о том, что занятие иными современными видами деятельности, в частности, учебной деятельностью, приводит к отдалению цыган от своей этнокультуры [17] (и это может происходить даже на уровне возникновения внутриличностных конфликтов [21]), также служат подтверждением нашего предположения об определяющей роли основного вида деятельности в организации жизнедеятельности детей люли.

В одновременном положительном или отрицательном отношении к симметрии и асимметрии может проявляться важная, с точки зрения специалистов, черта духовно мира цыган — нередкое сочетание бытовой расчётливости с легкомыслием по отношению к будущему [12, с. 28]. Возможно, для достижения краткосрочных целей, которые ограничиваются получением материальных ценностей здесь и сейчас, требуется строгое соблюдение некоторых отработанных в общности вековых правил. Однако после получения соответствующих благ неупорядоченность быта и в целом жизнедеятельности снижает необходимость следования некоторому порядку, что может приводить к ослаблению особого отношения к симметрии и равнозначности в реагировании на ее противоположность.

Заключение

В психологической науке до сих пор неоднократно подтверждалась предопределяющая роль образа жизни в формировании образа мира человека. В нашем небольшом исследовании в узком контексте также был затронут этот вопрос. На примере детей среднеазиатских

Т а б л и ц а

Показатели статистической разности интерперсональных оценок отношения к симметрии и асимметрии

Группы испытуемых	Модальность отношения к симметрии и асимметрии	Статистические показатели		
		M	S	t
Дети люли	Симметрия (+)/Асимметрия (-)	18,8/15,2	6,5/5,8	1,64 ^{нз}
Школьники		21,3/13,9	3,4/2,6	3,41**
Дети люли	Асимметрия (+)/Симметрия (-)	11,8/14,2	7,1/8,2	1,51 ^{нз}
Школьники		10,2/14,6	2,8/3,1	2,04*

Примечания: M — среднее арифметическое; S — дисперсия; t — критерий Стьюдента. Уровень достоверности различий: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «нз» — $p > 0,05$.

цыган-люли, для которых традиционно характерны бродячий образ жизни и деятельность, обуславливающая такой уклад, мы попытались изучить то, как относительно неупорядоченная жизнедеятельность может отразиться на модальности эмоционального отношения к симметрии и ее нарушению. Результаты эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) в процессе психического развития неупорядоченный образ жизни детей люли не становится детерминантой одностороннего положительного или отрицательного отношения к симметрии и асимметрии;

2) в психическом развитии детей люли их бродячий образ жизни и характерная для него относительная неупорядоченность могут стать первопричиной

формирования слабого дифференцированного отношения к симметрии и асимметрии, способности определять личный приоритет в этой паре.

Как отмечает видный российский историк и этнограф Средней Азии С.Н. Абашин, не все в истории среднеазиатских цыган, а также в их культуре, быту, взаимоотношениях известно специалистам. Замкнутость их образа жизни не позволяет исследователям глубоко проникнуть во многие сферы их жизни [1]. Безусловно, к неизученным областям также уместно отнести проблему психического развития детей люли. Надеемся, что наше исследование станет важным и вдохновляющим исследовательским шагом в этом направлении.

Литература

1. Абашин С.Н. Среднеазиатская богема [Электронный ресурс] // Фотовыставка «Странники и пришельцы» (Цыгане «люли»). М.: Музей и общественный центр имени А. Сахарова. URL: http://old.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/prishelci/hall_exhibitions_current_prishelci.htm. (дата обращения: 08.02.2015).
2. Альбицкий В.Ю., Волгина С.Я., Курмаева Е.А. Состояние здоровья и образ жизни детей из бедных семей // Вопросы современной педиатрии. 2007. № 6. С. 25–27.
3. Барышева Т.А. Креативный ребенок. Диагностика и развитие творческих способностей. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 416 с.
4. Выготский Л.С. К вопросу о плане научно-исследовательской работы по педологии национальных меньшинств // Мышление и речь: сб. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 574–587.
5. Деметр Н.Г., Бессонов Н.В., Кутенков В.К. История цыган: Новый взгляд. Воронеж: ИПФ «ВОРОНЕЖ», 2000. 334 с.
6. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб: Питер, 2009. 448 с.
7. Карпов А.В. Эксперимент в исследованиях процессов принятия решения: проблемы и перспективы // Экспериментальная психология. 2013. № 2. С. 5–18.
8. Классов Б.А. Психологические механизмы формирования образа жизни личности: дисс. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 1996. 204 с.
9. Кумейкина О.В. Развитие когнитивных структур личности в условиях различного образа жизни: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2007. 20 с.
10. Некрасова И.Н. Образ жизни как конструкт системных исследований в психологии // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4. С. 127–130.
11. Оранский И.М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины (Средняя Азия): этнолингвистическое исследование / Отв. ред. М.Н. Боголюбов; АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1983. 237 с.
12. Симонов В.А. Значение бытового уклада в формировании этноса как субъекта права (на примере цыган) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 4. С. 27–37.
13. Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 78–82.

References

1. Abashin S.N. Sredneaziatskaya bogema [Elektronnyi resurs] [The Central Asian bohemia]. *Fotovystavka «Stranniki i prishel'tsy» (Tsygane «lyuli»)* [Photo-exhibition «Wanderers and newcomers» (the Gipsy «luli»)]. Moscow: Muzei i obshchestvennyi tsentr im. A.Sakharova. URL: http://old.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/prishelci/hall_exhibitions_current_prishelci.htm. (Accessed: 08.02.2015).
2. Al'bitskii V.Yu., Volgina S.Ya., Kurmaeva E.A. Sostoyanie zdorov'ya i obraz zhizni detei iz bednykh semei [State of health and way of life of children from poor families]. *Voprosy sovremennoi pediatrii [Problems of modern pediatrics]*, 2007, no. 6, pp. 25–27.
3. Barysheva T.A. Kreativnyi rebenok. Diagnostika i razvitie tvorcheskikh sposobnostei [The creative child. Diagnostics and development of creative abilities]. Rostov-on-Don: Feniks, 2004. 416 p.
4. Vygotskii L.S. K voprosu o plane nauchno-issledovatel'skoi raboty po pedologii natsional'nykh men'shinstv [The question about the plan of research work for national minorities pedology]. *Myshlenie i rech': sbornik [Thought and language: collection]*. Moscow: AST: Astrel', 2011, pp. 574–587.
5. Demetr N.G., Bessonov N.V., Kutenkov V.K. Istoriya tsygan: Novyi vzglyad [History of the gipsy: the New sight]. Voronezh: IPF «VORONEZh», 2000. 334 p.
6. Il'in E.P. Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti [Psychology of creation, creativity, endowments]. Saint-Petersburg: Piter, 2009. 448 p.
7. Karpov A.V. Eksperiment v issledovaniyakh protsessov prinyatiya resheniya: problemy i perspektivy [Experiment in researches of processes of decision-making: problems and prospects]. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental psychology]*, 2013, no. 2, pp. 5–18.
8. Klassov B.A. Psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya obraza zhizni lichnosti: Diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological mechanisms of formation of lifestyle of the person. Ph. D. (Psychology) diss.]. Novosibirsk, 1996. 204 p.
9. Kumeikina O.V. Razvitie kognitivnykh struktur lichnosti v usloviyakh razlichnogo obraza zhizni: Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk. [Development of cognitive structures of the person in conditions of a various of lifestyle. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Stavropol', 2007. 20 p.
10. Nekrasova I.N. Obraz zhizni kak konstrukt sistemnykh issledovaniy v psikhologii [Lifestyle as construct system researches in psychology]. *Vektor nauki TGU. Seriya: Pedagogika, psikhologiya [Vector of a science of the Tolyatti*

14. Шефтель О.Б., Шаховская У.А. Бомж // Психологическая наука и образование. 2002. № 2. С. 93–105.
15. Шунькова С.В. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни геологов: профессионалов и студентов: дисс. ... канд. психол. наук. Магадан, 2011. 218 с.
16. Barron F., Welsh G.S. Artistic perception as a possible factor in personality style: its measurement by a Figure Preference Test // *Journal of Psychology*. 1952. Vol. 33 (2). P. 199–203. doi:10.1080/00223980.1952.9712830
17. Brüggemann Ch. Romani Culture and Academic Success: Arguments against the Belief in a Contradiction // *Intercultural Education*. 2014. Vol. 25(6). P. 439–452. doi:10.1080/14675986.2014.990229
18. Eisenman R., Borod J. Grossman J.C. Sex differences in the interrelationships of authoritarianism, anxiety, creative attitudes, preference for complex polygons, and the Barron-Welsh Art Scale // *Journal of Clinical Psychology*. 1972. P. 549–550. doi: 10.1002/1097-4679(197210)28:4<549::AID-JCLP2270280431>3.0.CO;2-7
19. Eysenck H.J., Furnham A. Personality and the Barron-Welsh Art Scale // *Perceptual and Motor Skills*. 1993. Vol. 76 (3). P. 837–838. doi: 10.2466/pms.1993.76.3.837
20. Gough H., Bradley P. Forty Years of Experience with the Barron Welsh Art Scale // *Unusual associates: A festschrift for Frank Barron / A. Montuori (Ed.)*. NJ: Hampton Press, 1996. P. 252–301.
21. Levinson M.P., Sparkes A.C. Conflicting Value Systems: Gypsy Females and the Home-School Interface // *Research Papers in Education*. 2006. Vol. 21(1). P. 79–97. doi: 10.1080/02671520500335907
22. Schaefer Ch. E. The Barron-Welsh art scale as a predictor of adolescent creativity // *Perceptual and Motor Skills*. 1968. Vol. 27 (3). P. 1099–1102. doi: 10.2466/pms.1968.27.3f.1099
23. Rosen J.C. The Barron-Welsh Art Scale as a Predictor of Originality and Level of Ability Among Artists // *Journal of Applied Psychology*. 1955. Vol. 39 (5). P. 366–367. doi: 10.1037/h0042340
- state university. *A series: Pedagogics, psychology*], 2013, no. 4, pp. 127–130. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Oranskii I.M. Tadjikoyazychnye etnograficheskie grupy Gissarskoi doliny (Srednyaya Aziya): etnolingvisticheskoe issledovanie [Tadjik language ethnographic groups Gissarskoj valleys (Central Asia): ethnolinguistic research]. In Bogolyubov M.N. (ed.); AN SSSR, In-t vostokovedeniya [Academy of sciences of USSR, Institute of oriental studies]. Moscow: Nauka, 1983. 237 p.
12. Simonov V.A. Znachenie bytovogo uklada v formirovani etnosa kak sub"ekta prava (na primere tsygan) [Value of household way in formation of ethnos as subject of the right (on an example the gipsy)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» [the Bulletin of Omsk university. A series «Right»]*, 2008, no. 4, pp. 27–37.
13. Stivenson S.A. O fenomene bezdomnosti [About a phenomenon of homelessness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological researches]*, 1996, no. 8, pp. 78–82. (In Russ.).
14. Sheftel' O.B., Shakhovskaya U.A. Bomzh [The vagabond]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [The Psychological science and education]*, 2002, no. 2, pp. 93–105.
15. Shun'kova S.V. Professional'naya spetsifika obraza mira i obraza zhizni geologov: professionalov i studentov: Diss. kand. psikh. nauk. [Professional specificity of an image of the world and lifestyle of geologists: professionals and students. Ph. D. (Psychology) diss.]. Magadan, 2011. 218 p.
16. Barron F., Welsh G.S. Artistic perception as a possible factor in personality style: its measurement by a Figure Preference Test. *Journal of Psychology*, 1952. Vol. 33 (2), pp. 199–203. doi:10.1080/00223980.1952.9712830
17. Brüggemann Ch. Romani Culture and Academic Success: Arguments against the Belief in a Contradiction. *Intercultural Education*, 2014. V. 25 (6), pp. 439–452. doi:10.1080/14675986.2014.990229
18. Eisenman R., Borod J. Grossman J.C. Sex differences in the interrelationships of authoritarianism, anxiety, creative attitudes, preference for complex polygons, and the Barron-Welsh Art Scale. *Journal of Clinical Psychology*, 1972. Vol. 28 (4), pp. 549–550. doi:10.1002/1097-4679(197210)28:4<549::AID-JCLP2270280431>3.0.CO;2-7
19. Eysenck H.J., Furnham A. Personality and the Barron-Welsh Art Scale. *Perceptual and Motor Skills*, 1993. Vol.76 (3), pp. 837–838. doi: 10.2466/pms.1993.76.3.837
20. Gough H., Bradley P. Forty Years of Experience with the Barron Welsh Art Scale. *Unusual associates: A festschrift for Frank Barron. A. Montuori (Ed.)*. New York.: Hampton Press, 1996, pp. 252–301.
21. Levinson M.P., Sparkes A.C. Conflicting Value Systems: Gypsy Females and the Home-School Interface. *Research Papers in Education*, 2006. V. 21 (1), pp. 79–97. doi: 10.1080/02671520500335907
22. Schaefer Ch. E. The Barron-Welsh art scale as a predictor of adolescent creativity. *Perceptual and Motor Skills*, 1968. Vol. 27 (3), pp. 1099–1102. doi: 10.2466/pms.1968.27.3f.1099
23. Rosen J.C. The Barron-Welsh Art Scale as a Predictor of Originality and Level of Ability Among Artists. *Journal of Applied Psychology*, 1955. Vol. 39 (5), pp. 366–367. doi: 10.1037/h0042340